Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1-3

ПЕТРОГРАД, УЛИЦА ПРОЛЕТКУЛЬТА, д. № 2
1921

Содержание

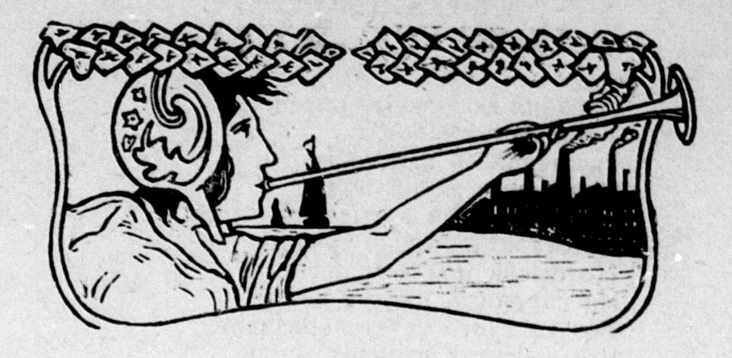
СТИХИ:

ПРОЗА.

СТАТЬИ.

Р. В. Ц.—10.000 экз.
17 Государственная типография 7 рота д. № 26.

СТИХИ.

* * *

Да, терний суровых немало
В сверкающих лаврах венца,
Но близится грань перевала
И нужно итти до конца.
На волю, на светлую волю,—
Вот пламенный лозунг борца.
В крови мы, раздеты и босы,
И ноет в усталой груди,
Но ждут нас целебные росы
И яркая жизнь впереди.
На волю, на светлую волю
К зардевшему солнцу иди!
Пусть злобно ревет и грохочет
Над нами громовый раскат!—
Неволи никто не захочет,
Никто не вернется назад.
На волю, на светлую волю
Сквозь камни последних преград!
Надежды, как нежные розы,
В испытанном сердце цветут.
И высохли горькие слезы
В предчувствии светлых минут.
На волю, на волю, на волю,
На мирный ликующий труд!

Самобытник.

ИЗ КРУГА „В ПУТИ“.

Изранил мозольные плечи,
Усталые ноги болят...
Расстелились далече-далече
Опаленные зноем поля.
С ними связан я тысячей нитей:
Детство... юность... труд...
Но мысли мои в граните
На каменных плитах цветут.
Воздух густо течет переливом,
Вся в цветах утопает земля...
Но душа—по иному красива—
Улетела под стены Кремля.
Меня тешит разымчивой лаской
Шелестение шелковых трав.
Но под внешней заманчивой маской
Сколько прежних смертельных отрав!..
С полудремою Степь неразлучна,
Опоясана синей каймой...
Мне среди красоты этой скучно
И узко средь шири немой...
Только миг—на пути остановка
В тишине глухих деревень.
Не заржавит стальная винтовка,
Не заманит манящая тень...
Вы—над Прошлым могильные свечи,
Опаленные зноем поля.
Я другому солнцу навстречу
Иду, – пусть плечи болят...

с. Б. Каменка.

А. Дорогойченко.

ПРОБУЖДЕНИЕ.

Улыбкой ребенка смеется весна
Под звуки нестройного пенья.
Земля, пробудившись от зимнего сна,
Срывает последние звенья.
Прислушайся к песне звенящей ручья,
Взгляни на лесные сплетенья—
Скажи, что не вздрогнет в томленье ничья
Душа под напев пробужденья.

Д. Мошинский.

РО-СО-ФЕ-СО-РЕ.

I.

Чумазая, горбатясь от нагрузки,
Несла безмолвие на рабские весы
И терпеливая в проходах узких
Укалывалась о жандармские усы...
Как нищенка, вставая утром рано,
Переволакивала ноги на погост.
О, ты ли Русь, багряным ураганом
Докинула до солнечной планеты мост...
Не ты ли для обоих полушарий
Огнями начертала грозные слова?
Тебя ль не воспевает пролетарий,
И пред тобою ль не трепещет буржуа,
Ты в синеблузом Октябре воскресла
И забурлила, как весной поток с горы...
Вчерашний миф, мятежно смытый с кресла,
Летит в тар-та-ра-ры...

II.

Чье имя в кодексе законов,
Развернутом на две полы,
Вертит Маховиком циклонно
Взбушевавшиеся валы...
Кто в дебри, прорубая тропы,
Вонзает большевицкий ток,
На огненном коне Европу
Мчит на сверкающий восток,
Притягивает солнце магнитом
Сквозь грохот седобоких громов,
Раскалывает скалы копытом,
Как тысячами острых ломов.
Словно вихри мятежные, в даль мы
Разбросали огни-провода...
Наши стройные песни, как пальмы,
Не умрут, не умрут никогда.

III.

Наши песни поднимаются не в высь ли,
Словно пламя из горящей печи,
Революцию несем на коромысле,
Врезанном глубоко в наши плечи...
То и дело спотыкаемся в оврагах,
Но, не вспятившись, ползем на взгорье:
Серп и молот в трепыхающихся флагах
Взбудораживает клекот взморья...
Капитан, стоя на вышке, смотрит зорко,

Как взрываются во тьме ракеты,
Как облизывают башни Нью-Иорка
Красноперые орлы-Декреты.
Злобно точит смерть оскаленные зубы
Об иглы заброшенных столетий.
Мы воздвигнули стобашенные срубы,
А наряд достроят дети.

IV.

Слышится голос немолчный:
Если от жизни продрог,
К нам приходи! Иль по-волчьи
Вой на распутье дорог...
Время ль теперь о потере
Хныкать в бесцветный платок?
В настежь открытые двери
Смело шагай чрез порог!
Яма. Безумец, куда ты?
Ахнут слепые кроты:
— Там, не имея мандата,
В бездну провалишься ты...
Ведь там для тех блаженство
Плещет, как моря прибой,
Кто достигает первенства
Борьбой.

Иван Кузнецов.

ИЗ ПОЭМЫ „ЭЛЕКТРОФИКАЦИЯ“.

VI.

О, аллюминьевые ночи,
О, электрическая кровь!
Пульсируя по жилам, хочет
Метать серебряной икрой;
И хороводы светлых зерен
Разбрызгивает лунный горн
Там, где праздничное расцвело
Под вольтовой дугой село.
Вдохновенно перед звездной рампой
Хор парней, девушек гудит.
А сердце калильной лампой
В мужицкой вспыхнуло груди.
Не зимний сон на блошьей шубе
В берлогах хат соломоволосатых,
Нет, до зари в крестьянском клубе,
Где Скрябин, Бах, Моцарт и Шуберт
Звенят, как водопада голоса.
Как хорошо выветрить пропахшие самогонкой души
Под юркую песню моторополозьев!
В деревнях даже зимой цветут груши
И лампочек светлые гроздья.

Мих. Герасимов.

МЕСТЬ.

I

Хлопали ставни о брюхо
Гнилой замшелой избы...
Вздыхала Наталья седая глухо:
Как нужду одинокой старухе
Избыть...
Сын—в бою за волю всех...
Вползала ей в сердце змея-кручина:
Кто дырявые стены зачинит,
Чтоб не лезли мороз бородатый и снег.
Трещала в светце лучина.
Вспоминала за прялкою мужа:
„Упокой горькую душу“...
Ветер буйно под окнами вьюжил,
Нагоняя страх и стужу,
И, казалось, как-будто кого-то душит.
Но верило материнское сердце:
Скоро, скоро вернется сын,
И засветятся радостью стены и дверцы,
И покривившийся тын...
И тянулись, тянулись дни.
За куделью жужжало веретено...
Сын красные зажигал огни,
Будил об‘ятых сном.

II

Пронеслись по деревне вести:
Кто стоял за Коммуну—всем
Не избегнуть белой мести:
Всем висеть на кресте.

III

Отзвенело серебряным звоном
Седое осеннее утро,
Рассыпав по крышам и горным склонам
Пригоршни зимнего перламутра.
Всю ночь на селе кипела работа:
Свистели нагайки и пули...
Умчались от марсельезного взлета

По снежным коврам закорузлых улиц,
Умчались вихрем золотопогонные роты.
Перекинулись барбосы нотой высокой
И скрылись в оскалы гнилозубых подворотен...
О, сколько, сколько в синие окна
Мертвецы с перекладин таращат глаз сотен...
А там, где следы оставила черная рать,
Там с крыльца с головой поседелой
Всю ночь на висевших глядела
Штыком пронзенная мать...
Сын склонился перед матерью на колени
И долго смотрел в голубые глаза
Потом на крылечные окровавленные ступени,
Но они ничего не могли рассказать...

Я. Бердников.

ЧЕРЕЗ ТРУП.

I

Тьма глотала дряблый снег.
Город как могила.
И огни и звонкий смех
Смерть похоронила.
Пусто, пусто... Волчий вой
В сердце одичалом.
Не дома—над головой
Громоздятся скалы.
Не дымят колонны труб,
Молча смотрят в тучи...
Крик сорвется с бледных губ,
Страшен и беззвучен,
Пот с холодного лица,
Лик змеится белый...
Жутко, жутко... Нет конца
Ночи омертвелой.

II

Гудит, гудит монотонно
Зеленоглазый мотор,
По улице черной, бездонной
Во весь опор.

Хода нельзя замедлить—
Догонит, проглотит муть!
Страшен, страшен последний
Путь.
Через труп, через кости скелета
Надо нестись.
Испуганный выстрел где-то
Взметнулся в закрытую высь.
Как выстрел упорное „надо"
По мысли усталой бьет:
Если надо,—
Даже через труп Петрограда—
Вперед!

III

И если он умрет, то из костей скелета
Возникнет в новой красоте,
Доступной только радостной мечте
В гранитный сад влюбленного поэта.
Весь в ярких брызгах солнечного света,
В изысканной и строгой простоте,
Раскрытой розою к лазурной высоте
Он тянется, огнем живым согретый
Как в зеркале на солнце отражен,
Как солнце в самого себя влюблен,
Машинами ритмически играя,
Он гимн торжественный слагает
Тому, кто в улицах обрушенных бродил
И в мертвом трупе жизнь будил.

А. Крайский.

В ПУТИ.

Бейся, пульс, усиленней и чаще,
Разгорайся пламенем, звезда—
Положили просеку мы к счастью,
Через хвойные года.
Знать, недаром многие из наших,
Промелькнув стремительнее стрел,
Полегли на черных глыбах пашен
Ветеранами грядущих дел:
Посмотри, как солнечно начало,
Как лучисто скачет красный диск;
Как каскадами заклокотала
Овесененная жизнь!

Е. Панфилов.

ВЕНЕЦ ТРУДА.

(Летопись).

I.

Громады чуткого как пальцы железа.
Гранит и мрамор в урагане садов.
Воздушные дредноуты неукротимо небо режут.
Звериные мускулы, багряная кровь.

Вскрывает недра жестокий разум.
Сокровищ груды из черных руд.
Идет, как танка, по хрупким вазам
Навстречу солнцу стихийный труд.

II.

Льется руда, остывая алмазом.
Сердцу не гибелен смерти укус.
Пять поколений жестоких усилий —
Рабски природа склонилася ниц;
Перья живых, неискусственных крылий
Гениев носят стремительней птиц.

III.

Мятежный бред, глухие грезы духа
Всечеловеком в жизнь претворены.
Не бьется он, как немощная муха,
Под зорким взглядом солнца и луны.
Нам клекот птиц Марса был внятен для слуха,
Нам змеи Юпитера были видны.

IV.

Живое ядро под алмазною броней,
Покорное дерзостной воле руля,
Как новый закон во всемирном законе —
Корабль во вселенной—планета Земля.

Давно мы покинули солнце родное,
Смущая владенья далеких светил.
И там в первобытном, живительном зное
Бессмертьем себя человек освятил.

V.

Бессмертьем смятены, но не было возврата.
Чем глубже в небеса—тем более одни.
Огонь, металл и лед... нет мыслящего брата...
„Под солнце"—подан знак уму у аппарата.
Сквозь злобный Млечный Путь идем в родные дни.
За нами мчится черная комета
Крутым путем спиралей и зигзаг.
Возник вопрос—что значит диво это,
Соперник гневный иль хищный враг.
Комета ближе. Словно вся натужась,
Она одним убийственным прыжком
Настигла нас... Не чужд бессмертным ужас,
Хотя и был три века не знаком.
Тупую мглу мертвя луною-глазом
Вулканы-пасть раскрыл небесный смерд...
Но грудь Земли, закрытая алмазом,
Могла принять милльон подобных жертв.
Оставив труп в созвездье Козерога,
Нам было тяжело назад взглянуть.
Лучом пройден коварный Млечный Путь,
А до Луны—открытая дорога.

VI.

Стонала мысль под темным игом плоти,
Под плетью едкой чрева и страстей.
Но жадной волей к творческой работе,
Лишь освежившись холодом смертей,
Она, воспрянув из-под кучи пепла,
Летела в сгусток нового гнезда.
Опять страдала, закалялась, крепла,
Всегда живая, бурная всегда.
Но вот взметнулись огненные крылья,
Взглянул на солнце вдохновенный взор,
Широкий взмах... и воля стала былью...
Какая глубь... Какой вокруг простор...
Свободный труд в тиши лабораторий
Нас сверхбожественностью увенчал.
Мы слились в новом, неузримом хоре,
Перешагнув начало всех начал.
Мы всемогущи... Чудо—дело будней,
Бессильна рока тяжкая рука,
Но нам навстречу мглою непробудной
Идут безглазые, косматые века.

М. Стронин.

Проза

Голос революции.

РАССКАЗ.

Пушки то глухо бухали, будто бурелом-лесовик шел, ухая по лесу, и клал на бок вековуши о двух охватах, то, как загрызшиеся в зверинце львы, ревели-рычали раскатисто и озлобленно могучими глотками. И от их буханья и громыханья стекла в окне испуганно дрожали мелкой торопливой дрожью, как зубы болящего лихоманкой-трясовицей, и звенели тонко и жалобно, будто плотно стоящие стаканы, когда идешь мимо по зыбкой половице.

Настя сидела на кровати: взобралась на нее вся, с ногами, будто спасалась от кого-то страшного, плотно прижалась спиной-костяшкой к перегородке, охватила голыми, точно белые змейки, руками согнутые ноги и, когда стально-грудые чудовища кричали оравой, вздрагивала и зябко поводила плечами. Уставилась черниками-ягодами в вороново крыло мартовской ночи за окном, будто силилась разглядеть за ним неизвестное грядущее завтра, а мозг как сверлом-коловоротом сверлила все та же неизбывная мысль, что не позволяла сосредоточиться ни на чем другом вот уже больше недели,—с тех пор, как в Кронштадте началось восстание.

— Неужели же контр-революция победит? Неужели же погибнут все завоевания народа и он опять очутится у разбитого корыта: у царского престола? И неужели же для нас с Петром кончится этот золотой сон,—высшее образование,—и нас вышвырнут из университета только за то, что мы, крестьяне-бедняки, не могли пройти средней школы,—за то, что у нас нет бумажки о ее окончании?

Перевела черники на мужа. Петр сидел в углу за столом, перед крохотной лампочкой из аптечного пузырька, с вершковым куском трубки вместо стекла. Перед ним лежала толстая раскрытая книга „Курс истории русской литературы“, но он не читал, а, облокотившись на стол и зажав лицо ладонями, пристально и неподвижно глядел поверх книги в одну точку на пестрой скатерти.

Настя тихо прошелестела тонкими сухими губами: —Петя!

Но Петр не слышал: он был далеко от Петрограда—за Волгой, за едреной, в красном сарафане, кормилицей русской, у Урала—хребта острокаменного. Далеко!—Стоит он в соборе своего губернского города-степняка, как пять лет тому назад,—подростком. В соборе—служба. Тяжелые окованные золотом царские врата открыты; за золотым ящиком-престолом—с детства знакомый архиерей: высокий суровый старик с серыми и мутными, как река в дождь, глазами и окладистой бородой, белой как соборная стена; он—ярый черносотенец и в тяжелом золотом облачении похож на медного китайского бурхана-идола. Перед ним, на амвоне,—протодьякон о. Стоврасов: саженный неладно скроенный, но зато крепко-накрепко сшитый мужичище,—плечи и красная выя,—хоть под хомут в артиллерию; грудь—большой мех в чумазой кузнице на хуторе отца Петра Минеича. Когда протодьякон служит—не говорит, а громогласно ржет, и за это в городе его зовут о. Саврасовым. Стоит он теперь весь в золоте,, как деревянный игрушечный татарин-халатник, оклеенный золотой бумагой: золотая риза, золотая грива, рука, густозаросшая золотой шерстью,—наотлете; в ней—золотой орарь,—„меч божий“,—и держит его протодьякон так ухарски, точно чарку с водкой, чтобы чокнуться. И ржет все громче и громче золотой татарин киргизским необ‘езженным жеребцом:—„Благ-го-че-сти-вейш-шем-му сам-мо-дер-ржав-нейш-шем-му-у“... И вот уже гремит-громыхает, как гром, точно об‘езжать, сердешного, стали, и понес он телегу с пустыми бочками по мостовой из накашника:—„Мно-ог-ги-я-а лет-та-а“!

Дрожат лихорадочной дрожью и звенят жалобным стаканьим звоном стекла в окне.

А в голове:

— Да, да! Там, в Кронштадте, один вольно и сознательно, другие бессознательно, третьи невольно, а все вместе—бьются за нового „самодержавнейшего“, за новое ярмо для трудового народа, за новые цепи на мозолистые руки... Ведь идущим в союзе с буржуазией народ не поверит и, в случае их победы, поддерживать их не станет; поэтому, после них власть легко может оказаться в руках нового царя. Слава же, вечная слава защищающим завоевания революции!

Стихло там, за вороновым крылом. Замолчали стально-грудые чудовища,—умаялись, отдыхают, охлаждаются.

А мысли бегут, как серая отара овец, спешащая в жаркий летний полдень к голубой степной тропинке—к ручью: сгрудились, обгоняют одна другую, а над ними и сзади серое, чуть розовое облако пыли.

— Такая опасность для революции! Неужели же все рухнет? Все: все победы в гражданской войне, все реформы, все четырехлетние страдания народа во имя счастливой жизни будущих поко-